

**БОЛГАРСКИЙ СЛЕД ОДНОЙ РУССКОЙ СКАЗКИ
(А. ВЕЛЬТМАН «ТРОЯН И АНГЕЛИЦА.
ПОВЕСТЬ, РАССКАЗАННАЯ СВЕТЛОЙ ДЕННИЦЕЙ
ЯСНОМУ МЕСЯЦУ», 1846)**

Ольга Тиманова

Гимназия с преподаване на английски език „Гео Милев“, Бургас

**THE BULGARIAN TRACE OF A RUSSIAN FAIRY TALE
("TROYAN AND ANGELITSA"
by ALEXANDER WELTMAN, 1846)**

Olga Timanova

Geo Milev English Language High School in Burgas

In this paper I explore the circumstances of the publication of one of the literary fairy tales by the Russian writer Alexander Veltman in *Balgarski knizhici* ("Bulgarian booklet") in 1858. The tale, based on Slavic folklore, was inscribed in the national liberation process which took place during the period of the National Revival. It played an important role in the intercultural communication between Russia and Bulgaria.

Key words: intercultural communication, cultural traditions, a writer's literary background, Alexander Veltman, Stefan Izvorsky, national identity, folklorism, Pan-Slavism, Balgarski knizhici ("Bulgarian booklet")

В мировой науке последних десятилетий активизировались исследования межкультурной коммуникации, что в целом обусловлено процессом глобализации, охватывающим, в том числе, и сферу культуры. В связи с этим вырабатывается новое понимание книжной культуры как основы социогуманитарного варианта информатизации общества, совершенствуется представление о литературе как факторе стабилизации культурных традиций.

В русле данной тенденции оказывается изучение творчества русского писателя Александра Фомича Вельтмана (1800 – 1870), в настоящее время переживающего свое второе «читательское» рождение. Сочетание романтизма и реализма, свойственное художествен-

ной манере Вельтмана, характерно и для литературных сказок писателя. Им в науке пока уделено недостаточно места, но они нуждаются в изучении, как вообще в современной истории книжной культуры назрела необходимость углубленного исследования фактов так называемого литературного фона, поскольку, не принадлежа к пласту «высокой» литературы, подобные явления зачастую как раз наиболее выпукло отражают существенные тенденции культурно-художественного развития.

На новой жанровой основе, в соединении баллады, сказки, легенды, поэмы и повести, в 1846 году Вельтман создает стихотворную сказку «Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная светлой Денницей ясному Месяцу» (Вельтман 1846). Помимо синтетической художественной основы, своеобразие произведения заключается и в его фабуле. Сказка построена на мотивах балкано-славянского фольклора, что для европейской культуры середины – второй половины XIX века, для научных и художественных исканий того времени в области истории, философии, этнографии и лингвистики, включавших в себя серьезный этнографо-фольклористический компонент, стало явлением знаковым. В литературно-книжной культуре эпохи произведение Вельтмана предстало составляющей народоведческого процесса. Будучи сказкой-стилизацией, подражательность которой осознается автором и читателем, «Троян и Ангелица» явила собой одну из тех форм народной культуры, которые ведущим современным российским теоретиком фольклора Кириллом Чистовым характеризуются как «вторичные», в отличие от «первичных» форм, вышедших непосредственно из архаической традиции (Чистов 1986). Для возникновения «фольклоризма» как явления письменной литературы исторически необходимо, чтобы его носители оторвались от архаической бытовой традиции, а затем снова оценили ее с хронологической, культурной или социальной дистанции. Для широкой отечественной читательской аудитории произведение Вельтмана представило интерес именно в этом своем качестве: как звено движения к познанию старины, как одно из общественно-художественных свидетельств подъема национального самосознания, в эти годы устремившегося к постижению собственных истоков.

Фольклоризм сказки Вельтмана одновременно явился и фактором межкультурного диалога «Россия – славянская Европа – Болгария». Своеобразной формой проявления литературных связей стал мотив «проклятой» любви между родными братом и сестрой, привнесенный в произведение. В русской устной словесности подобный сю-

жет практически не разработан, но он распространен в фольклоре некоторых славянских народов (болгарском, словенском и сербском). В литературном произведении Вельтмана как в оригинальной авторской версии содержится иная, в сравнении с народным творчеством, интерпретация темы. По сюжету «Повести, рассказанной светлой Денницей ясному Месяцу» Троян и Ангелица – кровные брат и сестра, которые, однако, не знают об этом. Как наследники царствующей династии, против их воли вовлеченные в борьбу за власть, юноша и девушка разлучены еще в детстве и в конечном итоге становятся жертвами обстоятельств. Случайная встреча героев порождает между ними чувства, влечение друг к другу, в представлении молодых людей, – любовное, в истолковании автора, – подсознательную тягу родственных душ, изначально свойственную членам семейства. По законам детерминизма, на которых зиждется миф, античная трагедия и «сказка о людях» (народная сказка), «незаконность» чувства, пусть даже и романтического, предопределяет трагический исход судеб героев. В сказке Вельтмана мотив судьбы сберегается: Троян и Ангелица в конце дематериализуются, как бы растворяются в окружающем мире, при этом так и не узнают истины о себе, о своей семье. Таким образом, в сравнении с устными версиями в произведении Вельтмана акценты смещены, «опасный» сюжет о любви двух «обреченных» получает романтически-возвышенное, а не сенсационно-бытовое истолкование; подчеркивается роковое качество «нелегитимных» чувств влюбленных. Одновременно идейно-художественная концепция литературной сказки, ее образная система сохраняет генетическую связанность с пантеистическими представлениями, специфичными для целостной славянской культуры. Через всю «Повесть, рассказанную светлой Денницей ясному Месяцу» проводится представление об антиномичности «светлого» и «темного» как основополагающем законе строения Вселенной, воплощается взгляд на «человеческое» и «природное» как параллельные, фундаментально единые формы существования всего живого, формы бытия, имеющие параллельные характеристики. Природные явления в «Трояне и Ангелице» олицетворены и персонифицированы, что обнаруживается уже и в подзаголовке произведения: печально-светлая повесть-сказка рассказывается «светлой Денницей» (метафора утренней зари) «ясному Месяцу» (символ ночи).

Отсылка к традиционным мотивам и образам произведение Вельтмана связывает и с панславистской теорией. Как общественно-политическая и историко-культурная доктрина панславистское уче-

ние разрабатывалось во второй половине XIX – в начале XX века (русские писатели и общественные деятели Иван и Константин Аксаковы, Михаил Погодин, Алексей Хомяков, Николай Данилевский, Владимир Ламанский; исследователь литературы и языка, серб Вук Караджич; хорватский богослов, философ, писатель-энциклопедист, лингвист, историк, этнограф и публицист Юрий Крижанич; поэт-просветитель, лингвист, хорват Людевит Гай; словацкий и чешский славист, поэт Павел Йозеф Шафарик; словацкий политик, поэт, философ, родоначальник панславизма в поэзии Ян Коллар; чешский филолог, историк и просветитель Йозеф Добровский; чешский археолог, этнограф, историк-славист и антрополог, Любор Нидерле и др.). Концепция панславизма основывается на репрезентируемой через реконструкцию славянских древностей идее культурно-исторического единства славянских народов. Идея научного и художественного воспроизведения славянской старины органична и для Александра Вельтмана – не только собственно писателя, но и ученого-историка, лингвиста и археолога (Вельтман 1828, 1834, 1840, 1843). В литературно-художественной культуре времени Вельтман стал родоначальником жанра исторического фэнтези, одним из первых в мировой литературе применил прием путешествия во времени. Писатель был также редактором и одним из авторов «Древностей Российского государства», переводчиком «Слова о полку Игореве» (Вельтман, перев., 1866). В годы до и после написания «Трояна и Ангелицы» Вельтманом создан целый ряд сочинений на фольклорной основе: сказочный роман «Кощей Бессмертный. Былина старого времени» (Вельтман 1833), историко-легендарный роман «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (Вельтман 1837), «волшебная» опера на героический сюжет «Ратибор Холмоградский» (Вельтман 1841), художественная реконструкция древней русско-болгарской истории в повести «Райна, королева болгарская» (Вельтман 1843а), произведение о современности, но в своем названии актуализирующее мотивы русских народных сказок «Новый Емеля, или Превращения» (Вельтман 1845), вариация на темы чешского фольклора «Златый и Бела, чешская сказка в стихах» (Вельтман 1850).

Создавая произведения в русле праславянской тенденции, Вельтман апеллировал к мифологической составляющей устной словесности. Не случайно в качестве персонального имени героя-человека в «Повести, рассказанной светлой Денницей ясному Месяцу» писатель избирает имя *Троян/Траян*, имеющее множественные отголоски в разветвленной славянской культуре. Так, в древнерусском

«Слове о полку Игореве» упоминается «тропа Трояна». В широко распространенных героических преданиях о короле Марко (Крали Марко), известных у южных и западных славян, также действует персонаж по имени Троян. В болгарском песенном фольклоре и топонимике фигурируют село Трояново, Троян касаба, Троян манастир в Троянова гора, Троянска планина, Троянска пътека, Троянска могила, момче троенче. Помимо содержащихся в наименованиях этого ряда мифопоэтических аллюзиях, соответствующие образы и представления отсылают к конкретным географическим и историческим явлениям. В частности, адресуют к имеющей богатое историко-культурное прошлое местности в Болгарии, расположенной к югу от Ловеча, на реке Бели Осам, в Коджа-Балкане, у Троянского (Траянского) горного прохода, имеющего высоту 1651 м и ведущего на Карлово. Как свидетельствуют историки, через Троянский перевал проходили древние торговые и военные пути из Пловдивской долины (Восточная Румелия) в западную (Средецкую) Болгарию с центром в Софии. В VII веке через Трояновы ворота в Ромейскую державу вторглись древние славяне. В XII – XIII веке во время Третьего крестового похода перевал с большим трудом преодолели крестоносцы. В XV – XIX веках в оборонительных целях проход использовали пришедшие с востока турки-османы. Весь этот комплекс историко-культурных значений в «свернутом» виде присутствует в сказке Вельтмана.

В соответствии с замыслом автора, по мере развертывания сюжета в произведении актуализируется языческое прошлое славянства. Троян – персонаж мифологии ранних индоевропейцев и палеобалканской мифологической традиции, имеющий троичную природу и особый статус третьего среди богов Преисподней (Калоянов 2002: 110). Данной семантикой имени объясняется, почему в народной этимологии болгар прозвище Троян переосмыслено на основе греко-латинской огласовки имени (в варианте Траян) и ассоциируется с идеей божественной тройственности, увязывается с образом одного из пяти так называемых «хороших» римских императоров – Траяна. Император Траян из династии Антонинов правил в 98 – 117 годах и был известен своими масштабными завоеваниями, за что получил прозвание Последнего Великого Завоевателя, а период его правления Тацит окрестил «счастливейшим веком». Подобного рода «династическая» составляющая «мерцает» и в имени героя русской сказки Вельтмана.

Говоря о мировидении и философии древнего славянства, невозможно не сказать также о том, что сложный синтез верований, умозаключений, соображений, соотносимый с именем Трояна/Траяна,

нашел отражение в целостной структуре славяно-болгарского языческого пантеона, «следы» которого при детальном рассмотрении обнаруживаются и в произведении русского автора. В болгарской мифопоэтической традиции божественный статус *Трояна* закреплен посредством его включения в список четырех главных богов – творцов Вселенной: Трояна, Хорса, Велеса и Перуна. Будучи самой высокой степенью антропоморфизации болгарского язычества, в «природном» варианте эти божества персонифицируют «солнце, месяц, землю, воду, зверей и гадов»: Хорс (болг. *Хърс*) символизирует солнце и месяц, *Велес* – стихии наземного и подводного мира, *Перун* является властителем и защитником зверей и гадов, а *Троян* объединяет функции всех этих божеств и совместно с ними участвует в творении Мира (Калоянов 2002: 110). В сказке Вельтмана *Месяц* выступает в роли своеобразного alter ego *Трояна*: подобно древнему божеству-демиургу (Трояну), *Месяц* «растворен» в этом мире, он все видит и все знает: он «бог во всем», «всеобщий бог» (греч. παν пан – «все, всякий» и θεός теос – «Бог, божество»).

Любопытно, что в болгарском фольклоре существует и собственно сказочное воплощение образа Трояна. В болгарской народной сказке «Цар Троян има кози уши» («Царь Троян – козлиные уши») образ венценосного героя получает, однако, не романтико-трагедийную (как у Вельтмана), а сатирико-бытовую трактовку. Болгарская сказка-притча повествует о том, как царь Троян, имевший козлиные уши, не желал, чтобы об этом знали его подданные, а потому казнил одного за другим брадобреев, по долгу службы ненароком обнаруживших страшный секрет правителя. Так продолжалось до тех пор, пока вмешательство самой матушки природы не помогло Трояну понять, что никакую тайну на свете сохранить невозможно. Тогда царь простил брадобрея, случайно разгласившего всему свету его тайну, и перестал прятать свои уши под шапкой. Природа не только сильнее человека, она мудрее его – эта пантеистическая идея сближает болгарский фольклорный текст и текст русской литературной сказки. При имеющихся различиях обе сказки – инварианты единой славянской культуры, поскольку воспроизводят народную традицию комплексно, целостно.

Понятно отсюда, почему сказка Вельтмана привлекла внимание прославянски настроенных общественных деятелей и писателей. В 1858 году сказку перевел на болгарский язык известный деятель Болгарского возрождения Стефан Изворски (1815 – 1875). При этом в своем переводе Изворски акцентировал художественную информа-

цию, с его точки зрения, актуальную именно для болгарского читателя: связанные с отношениями юных героев «опасные» моменты в переводе Изворского «затушеваны», в то время как мифопоэтические мотивы, наоборот, выдвинуты на первый план; текст Вельтмана значительно сокращен, а стилистика и ритмическая организация русского первоисточника максимально приближены к поэтике болгарской фольклорной песни, чем подчеркивается единство культурных истоков – славянских.

Изворски учился в Духовной академии в Петербурге, где принял священство; там сформировались прорусские симпатии поэта и педагога. В Болгарии Изворски заведовал ланкастерскими школами, опыт которых, вероятно, также перенял в России, где училища с взаимным обучением существовали в Санкт-Петербурге с середины XIX века и были предназначены в первую очередь для детей из бедных семейств. Программное название носило первое стихотворение поэта «Признаки возрождения болгарской литературы», напечатанное в «Цареградском вестнике» в 1849 году (Мирски 1896). В 1850 году, также в просветительских целях, Изворски подготовил перевод основных положений «Наказа Екатерины II для Комиссии Императорской Академии наук» (1770). Свое сочинение Изворски приспособил к нуждам болгарского образования и назвал его «Огледало за болгарските училища или правила заради възпитанието на децата» (Изворски 1850).

В переводе Изворского сказка Вельтмана была напечатана в «Болгарских книжцах» в 1858 году («Български книжици», 1858: № 1, с. 66 – 69; № 2, с. 66 – 68; № 3, с. 102 – 106; № 4, с. 133 – 136). Журнал «Български книжици» (1858 – 1862) был трибуной болгарской интеллигенции, от имени всего народа заявлявшей о стремлении к европейскому просвещению, новой культуре и церковной независимости как одной из важнейших форм национального суверенитета. В журнале публиковались выдержки из оригинальных и переводных учебников и методических пособий для болгарских училищ, опыты в области создания «Лексикологического словаря» и «Грамматики» современного болгарского языка, переведенные на болгарский язык иностранные произведения, годные для воспитания и обучения детей (Тодорова 2010). В одном из номеров этого периодического издания эпохи Болгарского возрождения в обращении к читателям от имени редакции говорилось: «Слава и благодарение богу! И у нас теперь появился журнал с назначением быть постоянным распространителем (букв. *разливател* – О. Т.) света и познания в нашем темном и бедном отечестве [...] событие для нас великое и утешительное; ибо оно

есть знак того, что мы уже начали познавать пользу наук и их благотворное влияние на умственные и нравственные силы человеческие; оно показывает, что и мы наконец начинаем понимать, насколько народ бедствует и удален от своего великого и высокого предназначения, когда он лишен наук, образования и просвещения» (перевод наш – О. Т.) (Дигитална колекция 2013: 1 – 2).

Произведение Вельтмана в выпусках журнала предстало в окружении текстов, освещавших самые различные стороны науки, литературы и просвещения. Так, в первом номере «Болгарских книжиц» было напечатано «Житие и исповедь, а также повествование о некоторых чудесах Святого отца нашего, Климента-архиепископа болгарского, написанное святейшим и славнейшим архиепископом всей Болгарии Феофилактом Первым Юстинианом, мастером Константинопольских риториков» (Дигитална колекция 2013: 6 – 14). Из номера в номер в журнале публиковались самобытные научно-познавательные статьи, как, например, статья «Метеорологические явления», содержащая не только извлечения из ученых трудов (а именно из учебника по физике в переводе Найдена Герова), но и отрывки из литературно-художественных произведений. Стремясь к популяризации, к наглядной подаче знаний, рассказ о дожде и ветре авторы публикации оживлялся примерами из Шекспира, данными на английском (*For the rain it raineth every day / With hey, ho, the wind and the rain*) и болгарском языках (*И дъждь-тъ вали всѣкий день, / Айде и съ дъждь и съ вѣтъръ*) (Дигитална колекция 2013: 19), подкрепляя соответствующие характеристики выдержками из латинских источников. Содержание и название статей («Раздумья о болгарском языке», «Современная летопись: политический дневник, торговый дневник, литературный дневник, общий дневник», «Современное состояние банков в Европе и Северной Америке», «Последние страницы болгарской истории» и др.) указывало на основательность общественно-политических и просветительских процессов, происходивших в Болгарии второй половины XIX века. И сказка русского писателя органично вписалась в эту проблематику – как выражение славянофильской тенденции.

В свете проблематики настоящего исследования следует особенно подчеркнуть прогрессивный характер славянофильства в описываемых социально-исторических условиях. Славянофилы стремились к одной большой, территориально локализованной, славянской общности, к идейно-политическому сплочению славян, к установлению тесных культурных связей между всеми славянскими народами,

населяющими Европу. В частности, русские славянофилы при поддержке российских официальных кругов, располагавших для этого необходимым финансовым и организационным средствами, способствовали тому, что значительная часть болгар, представителей интеллигенции, получила доступ в русские учебные заведения в Одессе, Санкт-Петербурге, Москве, а, следовательно, и болгарская интеллигенция снискала реальную возможность претворить в жизнь свои просветительские, культурные и религиозные инициативы. Сильное воздействие на укрепление духовных и культурных связей России с Болгарией оказал и труд русского историка Юрия Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829), в котором проводилась идея славянского происхождения болгарского народа. На болгарский язык книга Венелина была переведена Б. Петковым и Н. Даскаловым. Положительную роль в духовном возрождении Болгарии сыграла также работа русского историка Дмитрия Иловайского «За славянского происхождения на дунавските българи», переведенная на болгарский язык в 1875 году Христо Ботевым. Российская империя пользовалась особым авторитетом у болгарских будителей, поскольку была единственным в Европе того времени суверенным славянским государством. Отсюда – проблематика исследований Васила Априлова («Българските книжици или на кое славянско племе принадлежи кириловската азбука», 1841), Марина Дринова («Поглед върху произхождението на българския народ и началото на българската история», 1869; «Заселването на Балканския полуостров от славяните», 1871) и других деятелей Болгарского просвещения. Болгарская литература второй половины XIX века в значительной степени испытывала влияние русской литературы (Шишманов 1899, Велчев 1974, Колев 1983, Минкова 1989, 1998, Вацуру 2004).

Закономерно поэтому, что переведенная на болгарский язык и опубликованная в Болгарии в середине XIX-го столетия сказка русского писателя своим «фольклоризмом», проекцией мифа на систему письменной литературы удостоверила общность славянской культуры, в яркой художественной форме продемонстрировала взаимное тяготение славянских народов. Произведение Вельтмана стало тем фактором стабилизации культурных традиций, в котором нашли отражение действительно существенные тенденции культурно-художественного развития славянского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Вацуро 2004:** Вацуро, В. Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820 – 1840-х годов (Этюды и разыскания). [Vatsuro, V. Bolgarskie temu i motivy v russkoj literature 1820 – 1840 godov (Etyudy i razyskaniya).] // В. Э. Вацуро. *Избранные труды*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 556 – 596.
- Велчев 1974:** Велчев, В. *Българо-руски литературни взаимоотношения през XIX – XX в.* [Velchev, V. Balgaro-ruski literaturni vzaimootnosheniya prez XIX – XX v.] София: Изкуство, 1974, 179 – 199.
- Вельтман 1828:** Вельтман, А. Ф. *Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты.* [Vel'tman, A. Nachertanie drevnej istorii Bessarabii. S prisovokupleniem istoricheskikh vypisok i karty.] Москва: Селивановский, 1828.
- Вельтман 1833:** Вельтман, А. Ф. *Кощей Бессмертный. Былина старого времени.* [Vel'tman, A. Koshshey Bessmertnyj. Bylina starogo vremeni.] В 3 частях. Москва: Семен, 1833.
- Вельтман 1834:** Вельтман, А. Ф. *О Господине Новгороде Великом. С прил. вида Новгорода в 12 столетии и плана окрестностей.* [Vel'tman, A. O gospodine Novgorode Velikom. S pril. vida Novgoroda v 12 stoletii i plana okrestnostej.] Москва: Селивановский, 1834.
- Вельтман 1837:** Вельтман, А. Ф. *Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира.* [Vel'tman, A. Svetoslavich, vrazhiy pitomets. Divo vremyon Krasnogo Solnca Vladimira.] Москва: Семен, 1837.
- Вельтман 1840:** Вельтман, А. Ф. *Древние славянские собственные имена.* [Vel'tman, A. Drevnie slavyanskie sobstvennyye imena.] Москва: Степанов, 1840.
- Вельтман 1841:** Вельтман, А. Ф. *Ратибор Холмоградский.* [Vel'tman, A. Ratibor Holmogradskiy.] Москва: Степанов, 1841.
- Вельтман 1843:** Вельтман, А. Ф. *Достопамятности Московского Кремля.* [Vel'tman, A. Dostopamyatnosti Moskovskogo Kreml'a.] 1-е изд. Москва: Степанов, 1843.
- Вельтман 1843 а:** Вельтман, А. Ф. *Райна, королевна болгарская.* [Vel'tman, A. Rayna, korolevna bolgarskaya.] Москва: Степанов, 1843.
- Вельтман 1844:** Вельтман, А. Ф. *Московская оружейная палата.* [Vel'tman, A. Moskovskaya oruzheynaya palata.] 1-е изд. Москва, 1844. 2-е изд. Москва: Бахметев, 1860.

- Вельтман 1845:** Вельтман, А. Ф. *Новый Емеля, или Превращения*. [Vel'tman, A. Novyj Emelya, ili Prevrashcheniya.] Москва: Степанов, 1845.
- Вельтман 1846:** Вельтман, А. Ф. *Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная светлой Денницей ясному Месяцу*. [Vel'tman, A. Troyan i Angelitsa. Povest', rasskazannaya svetloj Dennitsey yasnomu Mes'acu.] Москва: Николай Степанов, 1846.
- Вельтман 1850:** Вельтман, А. Ф. *Златый и Бела: чеш. сказка [в стихах]*. [Vel'tman, A. Zlatyy i Bela: chesh. skazka v stihah.] Москва: Полицейская типография, 1850. (Из Альманаха на 1850 г., изд. при журн. *Москвитянин*.)
- Вельтман, перев. 1866:** *Слово об ополчении Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, на половцев, в 1185 году*. [Vel'tman, A. Slovo ob opolchenii Igorya Svyatoslavicha, kn'azyа Novgorod-Severskogo, na polovcev, v 1185 godu.] 2-е изд. Москва: Шуман и Глушков, 1866.
- Изворски 1850:** Изворски, С. *Огледало за болгарските училища или правила заради възпитанието на децата, извадени от книга, която се нарича «Наказ ея императорскаго величества Екатерины втория самодержци всероссийския данний Комисии о сочинении проекта новаго уложения в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук 1770», на четири язици росийски, латински, немски и французски. А сега преписани от суцата книга и преведени на наш язык и болгарски от Стефана П. Николов Изворски, котлянец, който и за по-голямо изяснение сочинил и приложил от себе си и доволни стихове да сочат кам состоянието и книжнината и възпитанието на болгарите сос суцото намерение, каквото и вишеречените правила в полза на единородните си*. [Izvorski, St. Ogledalo za bolgarskite uchilishta ...] Цариград: книгопечатницата на Тадеа Дивитчиана, 1850.
- Дигитална колекция 2013:** *Дигитална колекция „Българско възраждане“* [Digitalna kolektsiya „Balgarsko vazrazhdane“] // http://bgv.unibit.bg/records.php?cat_id=1 (Дата обращения 24.10.2013)
- Калоянов 2002:** Калоянов, А. *Император Траян или Троян в името на град Троян? (С оглед на култовото средище от езическата епоха в подножието на Маторие гори)*. [Kaloyanov, A. Imperator Trayan ili Troyan v imeto na grad Troyan? S ogled na kultovoto sredishte ot ezicheskata epoha v podnozhiето na Matorie gori.] Изда-

телство LiterNet, 06. 11. 2002 // <http://litenet.bg/publish/akaloianov/-stb/traian.htm> (Дата обращения 30.10 2016).

Колев 1983: Колев, Н. Интересът на руските учени през XIX в. към проблемите на българската народна култура. // *Историко-филологически изследвания*. [Kolev, N. Interesat na ruskite ucheni prez XIX v. kam problemite na balgarskata narodna kultura. Istoriko-philologicheski izsledvaniya.] Велико Търново: Великотърновски университет „Кирил и Методий“, 1983, 17 – 30.

Минкова 1989: Минкова, Л. Повестта на А. Ф. Велтман „Райна, королевна болгарская“ в преводната литература на Българското възраждане и историята на превода в България [Minkova, L. Povestta na A. Ph. Veltman „Rayna, korolevna bolgarskaya“ v prevodnata literatura na Balgarskoto vazrazhdane i istoriyata na prevoda v Bulgariya.] // *Лит. мисъл*, 1989, № 1, 101 – 111.

Минкова 1998: Минкова, Л. Москва като българско духовно средище през Възраждането [Minkova, L. Moskva kato balgarsko duhovno sredishte prez Vazrazhdaneto.] // *Бълг. ез. и лит.*, 1998, № 5 – 6, 24 – 35.

Мирски 1896: Мирски, Ир. С. Н. Изворски, учител и писател преди 50 години [Mirski, Ir. S. N. Izvorski, uchitel i pisatel predi 50 godini.] // *Бълг. сборка*, III, 1896. № 2, с. 136 – 146; № 3, 243 – 251.

Тодорова 2010: Тодорова, Т. *Списание „Български книжици“ (1858 – 1862) на прага на новото време*. [Todorova, T. Spisanie „Balgarski knizhitsi“ (1858 – 1862) na praga na novoto vreme.] С база данни на компактдиск. София: За буквите – О писменехъ, 2010.

Чистов 1986: Чистов, К. В. *Народные традиции и фольклор: Очерки теории*. [Chistov, K. Narodnye traditsii i fol'klor: Ocherki teorii.] Ленинград: Наука, 1986.

Шишманов 1899: Шишманов, Ив. Наченки от руско влияние [Shishmanov, Iv. Nachenki ot rusko vliyanie.] // *Български преглед*, 1899, кн. 9 – 10, 113 – 178.